

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС И СНГ

Дата поступления в редакцию: 29.04.2026.

Для цитирования: Экономическое сотрудничество стран БРИКС и СНГ / А.А. Мигранян, И.В. Юшков, С.П. Митрахович. – Геоэкономика энергетики. № 2 (34). С. 6–25. DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_6

Ключевые слова: мировые нефтегазовые рынки, экспорт нефти и газа, переориентация экспортных потоков, геополитические факторы, экономические санкции, СНГ, БРИКС, ОПЕК.

В данном материале проводится анализ последствий масштабного энергокризиса, спровоцированного блокадой Ормузского пролива и обострением геополитической ситуации вокруг Ирана, для мировой нефтегазовой отрасли и глобальной экономики. Обосновывается, что текущий шок отличается от кризисов 1970–1980-х гг. более значительным одномоментным выпадением объемов нефти с рынка и иной природой проявления дефицита, смещающей акцент с физической нехватки топлива на ценовые и финансовые эффекты. Показана ключевая роль стратегических запасов энергоресурсов и нефти, хранящейся на танкерах, в сглаживании краткосрочного дефицита, а также их долгосрочный вклад в продление кризиса через необходимость последующего восполнения резервов. Особое внимание уделено влиянию кризиса на экспортные позиции России, динамику дисконта/премии к сорту *Brent*, бюджетные доходы и налоговую базу, а также трансформации российской ориентации на рынки Китая, Индии и других стран Глобального Юга. Анализируются новые санкционные механизмы ЕС (включая обсуждение 20-го пакета санкций), атаки на экспортную инфраструктуру, ограничения для «теневого флота» и перспективы российского СПГ в условиях переориентации потоков на азиатские рынки. Рассматриваются изменения в поведении ключевых экспортеров Персидского залива, включая выход ОАЭ из ОПЕК и связанные с этим риски разрушения координационных форматов ОПЕК/ОПЕК+, а также возможное перераспределение регуляторной роли между региональными и внешними игроками. Обсуждаются сценарии фрагментации мировой торговли, рост значимости сухопутных маршрутов и интеграционных блоков (БРИКС+, СНГ и др.), формирование более регионализованной архитектуры энергетических и торговых связей. Делается вывод о вхождении мировой энергетики в фазу структурной турбулентности и постепенного перехода от модели глобализации к комбинации региональных и блоковых форматов сотрудничества.

Аза МИГРАНЯН:

— Добрый день, Игорь Валерьевич. Рады приветствовать вас на очередном диалоге по поводу ситуации на международных рынках, и в частности мировом нефтяном рынке, региональных рынках, которые на сегодняшний день находятся в крайне сложной кризисной ситуации. Действующих факторов, в общем-то, достаточно много, но базовый, как мы сегодня отмечаем, — это иранский геополитический кризис, который на сегодняшний день не преодолен. По оценкам большинства экспертов, правительств, в т.ч. и со стороны государств, участвующих в этом кризисе, последствия, которые сегодня возникли с учетом обострения военно-политической ситуации, невозможно преодолеть даже при условии приостановки и перехода к мирной повестке. В этой связи, если возможно, хотели бы попросить вас охарактеризовать ситуацию на энергетических рынках. Как меняется ландшафт, какие происходят структурные, тектонические изменения? Есть ли в этом положительные факторы, способные так или иначе принести пользу не только экспортерам, но и потребителям?

Игорь ЮШКОВ:

— Нынешний энергокризис стал одним из наиболее сильных за всю современную историю. В случае предыдущих энергокризисов объем нефти, который мгновенно ушел с мирового рынка, был меньше. В 1973 г., когда арабские страны прекратили поставки нефти в государства, которые поддержали Израиль в рамках арабо-израильской войны, с мирового рынка ушло около 10 % мирового производства нефти. Сейчас же объем сокращения составил 20 %, поскольку через Ормузский пролив ранее проходило около 20–22 млн баррелей в сутки нефти, нефтепродуктов и других жидких углеводородов.

Но, с другой стороны, мгновенные последствия для стран-потребителей, предыдущие энергокризисы — опять же, 1973 г. либо уже там 1979–1980 гг.,

МИГРАНЯН Аза (Азгануш) Ашотовна, доктор экономических наук, профессор, зав. сектором экономических исследований Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117218, Нахимовский просп., д. 32. **E-mail:** a.mihranian29@gmail.com; **SPIN-код:** 9433-7609; **ORCID:** 0000-0001-6014-5955

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. **E-mail:** ushkovigor@gmail.com. **SPIN-код:** 5693-0136

когда произошла исламская революция в Иране, западные компании ушли из страны и иранская добыча уменьшалась, – там тоже было порядка 7-8 % мировой добычи, то есть тоже довольно много. Но, опять же, это быстро доходило до конечного потребителя. В отсутствие нефти в 1970-1980-х гг. почти сразу возник физический дефицит нефтепродуктов, и конечный потребитель мгновенно ощущал это на себе. Почему же при прежних кризисах мы сразу увидели физический дефицит, а сейчас – нет? Потому что после энергокризиса 1973-1980 гг. страны (чаще всего – страны-импортеры) стали активно строить стратегические хранилища. В России тоже есть резервуары, расположенные вдоль нефтепроводов, в портах или на нефтеперерабатывающих заводах, но, как правило, это именно технические резервуары. Для РФ стратегические запасы не столь актуальны, в то время как для Соединенных Штатов, европейских стран, Японии, Южной Кореи и КНР (являющейся сейчас лидером по объему стратегических хранилищ) они распространены куда больше.

Поэтому сейчас, когда остановился Ормузский пролив, а с мирового рынка мгновенно ушло до 20 % мирового производства, в наибольшей мере пострадали бедные государства с маленькими или отсутствующими запасами нефтепродуктов. К ним можно отнести страны Южной и Юго-Восточной Азии и Африки, которые обладают низкой финансовой подушкой безопасности или недостаточными финансовыми возможностями. Вместе с тем для большинства стран в мире нынешний энергокризис является не столько топливодефицитным, сколько экономическим.

Для США, европейских стран и Китая исчерпание какой-то доли запасов просто приводит к тому, что цены на мировом рынке поднимаются. Однако изъятие нефти из стратегических резервов также удлинит энергокризис, потому что условием изъятия нефти из стратегических резервов является их обязательное дальнейшее восполнение в тех же самых объемах. Это значит, что даже когда Ормузский пролив будет открыт, то цена все равно будет сдерживаться именно этим фактором высокого спроса, поскольку потребители будут покупать ее и для текущего потребления, и для того, чтобы обратно закачать ее в стратегические резервы. Поэтому первый фактор, почему мы не увидели мгновенный рост цен до 150-200 долл. за баррель и почему автомобили в странах-потребителях не остановились, – это как раз наличие тех самых стратегических резервов.

Показательным моментом служит то, что где-то через две недели после закрытия Ормузского пролива странами Запада было принято решение о коллективном увеличении объемов изъятия нефти из стратегических резервов, объявленное на уровне Международного энергетического агентства. По идее, это должно было успокоить рынок и вызвать снижение цены, но на практике этого не произошло. Потому что – как это воспринял рынок? Если в какой-то период нефть из запасов не изымалась, а потом начала изы-

маться, — значит, ситуация ухудшается, дефицит нарастает и, с точки зрения биржевых игроков, надо покупать фьючерсы, ведь дальше будет еще хуже. Из-за этого цена не только не опустилась, но даже подросла. В этом плане решение, которое должно было стабилизировать рынок, наоборот, привело к росту цен, что, конечно, негативно сказалось на странах-потребителях.

Вторым фактором, обусловившим отсутствие роста цен до экстремально высоких значений, выступило наличие нефти, в т.ч. российской, на танкерах. Здесь мы видим некую подмену понятий, которая происходила в начале нынешнего кризиса, когда Соединенные Штаты где-то через полторы недели после перекрытия Ормузского пролива Ираном выпустили генеральную лицензию, т.е. исключение из-под санкций. Изначально рассчитанная только для Индии, которой в таком случае разрешалось бы покупать российскую нефть, она вскоре лишилась страновой привязки, разрешая тем самым любой получившей ее покупать нефть из РФ, которая к моменту ее выпуска была загружена на танкеры.

С одной стороны, к февралю много российской нефти, действительно, хранилось на танкерах. *Bloomberg*, например, оценивал такие объемы примерно в 160 млн баррелей нефти. А с другой стороны — что на самом деле произошло? Своими генеральными лицензиями американцы хотели за счет высвобождения российской нефти создать дополнительное предложение на рынке, которое удовлетворит возросший спрос, уберет дефицит с мирового рынка и снизит цены. На практике же цена скорее опять выросла, потому что рынок отреагировал точно так же: если раньше санкции не снимались, а теперь снимаются, значит, ситуация настолько ухудшилась, что даже произошло определенное сближение с Россией. Впоследствии временные генлицензии продлевались и обновлялись, из-под санкций была также исключена нефть, загруженная уже после начала блокады.

Основная же проблема возникала в том, что российскую нефть и так можно было покупать. На самом деле не было понятно, из-под каких ограничений лицензия выдавала исключения. Есть санкции против собственников танкеров, против самих танкеров, против российских компаний. Но санкций, подобных тем, что действуют против Ирана и действовали ранее против Венесуэлы, запрещающих покупку российской нефти, потому что она была произведена в России, нет. Почему же она хранилась на танкерах? Потому, что были низкие цены на нефть и продавец не хотел отпускать ее потребителю. С конца прошлого года средние цены на *Urals* были очень низкие и находились в промежутке 39–44 долл. за баррель, и только после начала конфликта и перекрытия Ормузского пролива стоимость резко увеличилась, составив в марте в среднем 77 долл. за баррель. Если бы не обострение вокруг Ирана, то продавцы дождались бы нового автомобильного сезона в апреле и также продали бы нефть на более выгодных, чем до этого, условиях.

Поэтому еще одним фактором, сдерживающим топливный дефицит, стало то, что после перекрытия Ормузского пролива потребители стали раскупать ту самую российскую нефть, которая хранилась на танкерах. Если мы говорим о том, какое влияние на Россию это оказало с точки зрения физической нефти, то ее стали активно раскупать, и структура экспорта не менялась: больше всего российская нефть продается в Индии, Китае и Турции, но теперь они гораздо более жестко стали конкурировать за эти объемы поставок и (в случае Индии и Китая) объем поставок даже незначительно вырос. Здесь более важен экономический эффект. Если в январе-феврале при отгрузке российской нефти в порту, например, Индии скидка на нее составляла до 10 долл. за баррель, то с марта эта скидка меняется на премию 4-6 долл. за баррель по отношению к сорту *Brent*. Следует, однако, заметить, что это относится только к той нефти, что уже доставлена в порт прибытия, тогда как в порту отправления разница с *Brent* сохраняется.

Тем не менее мировые цены на нефть постепенно растут, сейчас она закрепились на уровне выше 100 долл. за баррель. На этом фоне Минэкономразвития предоставляет данные *Argus* для расчета налогов и за март из расчета 77 долл. за баррель. Это позволяет хотя бы немного компенсировать то, что не было получено за экономически неудачный для РФ 1-й квартал и привело к дефициту бюджета, превысившему 4 трлн руб., на 500 млрд больше итоговой оценки за 2026 г. Последнее обусловлено низкими ценами на нефть и газ и падением дохода государства из-за низкой налогооблагаемой базы по НДС. В начале года НДС рассчитывался из упомянутого диапазона цен в 39-44 долл. за баррель, тогда как российский бюджет на 2026 г. сверстан исходя из цен 59 долл. за баррель. В апреле НДС взимается уже на основании более высокой цены, сформированной на пике мартовского энергокризиса. Цены за апрель будут еще выше, поэтому Минэкономразвития прогнозирует рост доходов по НДС на нефть.

Если кризис продлится долго, то появится возможность и компенсировать потери за 1-й квартал, и заработать еще. Именно поэтому со стороны правительства присутствует некая суетливость: когда были получены показатели первых двух месяцев, это создавало очень большую напряженность. Минфин заявлял, что уже весной может быть произведен секвестр бюджета, что привело бы к сокращению расходов, в т.ч. оборонных и социальных. В этом плане перекрытие Ормузского пролива стало для России неким финансовым глотком свежего воздуха.

А. М.:

— Данная ситуация, которая позволяет России восстановить рост доходов по нефтяному сектору, стала триггером для ускоренного принятия 20-го санкционного пакета Европейского союза. Но при этом ЕС отказался ограничивать непосредственно продажу нефти, заменив это новыми под-

ходами — санкциями против судов т.н. «теневого флота», его обслуживания и страхования. Таким образом, мы видим смещение конкурентного, точнее административного, выдавливания конкурента с энергетического рынка непосредственно через санкционные механизмы. На этом фоне понятно, что ситуация на рынке при длительном перекрытии Ормузского пролива будет играть на повышение стоимости. Но какие возможности обхода, нивелирования или компенсации этих новых санкций есть у России? И стоит ли ожидать, что этот 20-й пакет может, как надеются эксперты в Евросоюзе, аннулировать бонусы, получаемые от данного энергокризиса, сегодня для России?

И. Ю.:

— Я думаю, что 20-й пакет санкций не сыграет существенной роли для российских нефтегазовых доходов. Изначально яркой особенностью 20-го пакета, которая его характеризует, считался полный запрет на оказание услуг по перевозке российской нефти, что должно было стать заменой механизма потолка цен. Почему задумались его заменить или отменить? Потому, что во многом он становился постоянно неактуальным, его постоянно приходилось пересматривать.

Цены на нефть на мировом рынке снижались, в т.ч. на фоне того, что ОПЕК+ каждый месяц увеличивала квоты, и по итогам года общий объем увеличений составил примерно на 2,9 млн баррелей в сутки. Это приводило к тому, что формировался определенный переизбыток предложения на рынке. Получалось, что РФ сначала начала укладываться в потолки цен, установленные G7 и американцами (60 долл. за баррель). ЕС затем снизил свой потолок цен до 47,6 долл. за баррель. Цена на нефть потом постепенно снижалась, к чему добавлялся увеличивающийся дисконт на *Urals*, и он стал укладываться в европейский потолок цен. Европейский союз вновь понизил его — до 44,1 долл. за баррель, но российский сорт снова стал в него укладываться. После этого европейскими странами было высказано предложение об отказе от постоянных пересмотров показателя и его замене на полный запрет на оказание услуг по перевозке российской нефти.

Венгрия и Словакия в ответ на перекрытие Украиной нефтепровода «Дружба» и, затем, принятие ЕС (с нарушением процедуры) запрета на импорт российского трубопроводного газа отказывались принимать данную инициативу, в частности и 20-й пакет антироссийских санкций в целом, и поддержать выделение финансовой помощи Украине в размере 90 млрд евро. На недавних выборах в Венгрии победила оппозиция, и 20-й пакет был несколько переформатирован. Во-первых, было важно быстро его принять, чтобы продемонстрировать восстановление единства и дисциплины в Евросоюзе. Во-вторых, из-за возросших мировых цен на нефть и снижения дисконта конкретно на российскую нефть потолок цены вновь стал актуален. Опять встал вопрос о том, что перевозчики не хотят нарушать потолок

цен и не готовы поставлять российскую нефть. Когда она укладывалась в него, к ее перевозке подключались прежде всего греческие и мальтийские судовладельцы, и они на этом зарабатывали. Поэтому я думаю, что полный запрет на перевозку российской нефти перенесут в 21-й пакет.

Мне кажется, гораздо более опасным моментом стала активизация ударов по российским экспортным терминалам. Этот процесс напрямую связан с перекрытием Ормузского пролива и ростом цен: Украина и поддерживающие ее западные страны стараются не допустить, чтобы Россия заработала в этом периоде выгодной конъюнктуры, и делают все, чтобы она не могла вывести нефть на мировой рынок. Если РФ не сможет экспортировать нефть и нефтепродукты в нужном объеме, то придется сокращать добычу, что приведет к уменьшению нефтегазовых доходов, т. к. налог на добычу полезных ископаемых берется с объема производства. Поэтому так важно обеспечить безопасность. РФ пытается решить эту проблему, в т.ч. сопровождением судов, как это недавно произошло с двумя танкерами, прошедшими через Ла-Манш в сопровождении военного корабля.

К этому добавляются и старые методы сдерживания. Мировые нефтяные цены подросли, и скидка на российскую нефть уменьшилась, но сохранились основные издержки в лице довольно высокой стоимости перевозки и фрахта, страхования судов. Именно с этой целью продолжают атаки на российские суда (перевозивший СПГ с проекта «Арктик СПГ – 2» газозов был фактически уничтожен у берегов Ливии) и их кратковременные захваты.

Как правило, российские газозовы с подсанкционным СПГ проекта «Арктик СПГ – 2» не проходят через Ла-Манш, они обходят Британию с запада и идут вокруг Африки. Вследствие того что маршрут доставки газа рассчитан на азиатские рынки, рентабельность его поставок снизилась. После начала действия 19-го пакета санкций ЕС, запрещающего импортировать российский СПГ по краткосрочным контрактам, с трудностями столкнулся уже «Ямал СПГ». Та доля газа, которая шла с него на европейский рынок, теперь необходимо переориентировать, хотя бы частично, на азиатские рынки. Однако российское государство не испытывает из-за перечисленных сложностей особых проблем. Во-первых, и «Ямал СПГ», и «Арктик СПГ – 2» имеют налоговые льготы, у них нулевая ставка НДС на газ, на газовый конденсат. Во-вторых, они не платят экспортную пошлину, т.к. в РФ экспортной пошлины на СПГ нет. Следовательно, доходы федерального бюджета не сокращаются.

В дальнейшем, с 2027 г., российский СПГ окончательно уйдет на азиатские рынки. Если возвращаться к другим последствиям нынешнего энергокризиса уже для членов БРИКС, то можно отметить, что в краткосрочной перспективе, например, Китай особо не пострадал. Почему? Потому что, во-первых, у него есть огромные стратегические запасы нефти. Во-вторых, он наращивает собственную добычу нефти, таким образом стараясь сдер-

живать рост импорта. В прошлом году, в 2025 г., он даже сократил импорт нефти. Это его стратегическое видение и попытка обезопасить себя от подобных ситуаций. Поэтому в КНР особо не подросли цены ни на нефть (в общем-то, импортную), ни на газ.

Но почему в Азии не произошло взрывного роста на газовых рынках, как это было в Европе? Потому что азиатские страны в целом, и Китай в частности, имеют возможность переключиться с потребления газа на потребление угля. Поэтому Китай, чтобы избежать дополнительного роста цен на импортный газ, — во-первых, он просто стал переключаться между этими двумя видами топлива и использовать больше угля, сократив потребление газа, а именно импорт СПГ. Во-вторых, у него есть диверсифицированный пакет поставщиков газа, в т.ч. трубопроводного. Крупнейшими поставщиками для него являются Россия (в 2025 г. «Сила Сибири» вышла на полную мощность в 38 млрд куб. м и даже превысила ее на 800 млн куб. м) и Центральная Азия: Туркменистан, Узбекистан, Казахстан. Это позволяет КНР переключаться еще и между трубопроводными и СПГ-поставщиками.

Поэтому нынешний энергокризис Китай, по сути, обходит стороной. Но стратегически для него этот энергокризис крайне важен. До начала блокады Ормузского пролива Китай тоже получал ближневосточные СПГ, например из Катара, и по поставкам нефти он во многом тоже зависит от Ближнего Востока. Ключевым поставщиком (примерно 1,7-2 млн баррелей в сутки) выступал Иран, который был перекрыт уже США, до этого проведшими операцию в Венесуэле, что дополнительно ограничило доступные (в т.ч. в плане цены) для КНР объемы нефти. В долгосрочной перспективе, я думаю, это заставит Китай реагировать и выбирать поставщиков нефти и газа, углеводородов в целом, с гораздо большим учетом фактора надежности, чем было раньше. В данном плане это как раз активизирует сотрудничество с Россией, потому что все, что идет в Китай с севера, воспринимается теперь гораздо более надежно. Я думаю, что в 2026 г. мы вполне можем увидеть подписание контракта на продажу газа по «Силе Сибири – 2» к 2030-2032 гг. Для РФ основная проблема состоит в том, что Китай очень жесткий переговорщик по условиям торгов, по цене.

Для Китая реализация этого проекта важна, потому что отношения Соединенных Штатов и Китая, скорее всего, продолжат ухудшаться. Совсем недавно Соединенные Штаты приняли санкции в отношении китайских нефтеперерабатывающих заводов. Давление на Китай будет нарастать, и он видит, что использование энергетических потоков в качестве политических рычагов давления стало нормой. На международной арене это теперь стало нормой — взрывать газопроводы, атаковать газопроводы, экспортные терминалы, месторождения, нефтеперерабатывающие заводы, танкеры. Поэтому я не исключаю, что, помимо газопровода, может быть поставлен вопрос о строительстве второго нефтепровода в Китай.

Поэтому нынешний кризис может выступить неким катализатором развития отношений российско-китайских в области энергетики. Помимо газопровода «Сила Сибири – 2» и потенциальной второй магистрали, здесь можно еще указать, что Китай уже движется в этом направлении. Например, с сентября 2025 г. он стал принимать российский подсанкционный СПГ с проекта «Арктик СПГ – 2» на один отдельный терминал. Следующим шагом может быть, во-первых, расширение количества таких терминалов, куда будет приниматься российский СПГ, во-вторых, сотрудничество в сфере судостроения (строительство газозовов), в-третьих, реализация совместных проектов СПГ-заводов в России. Но Китай пока сдержанно относится к подобной инициативе: он понимает, что не надо публично говорить о своей готовности, потому что это вызовет дополнительное давление со стороны США и китайские судостроители могут подпасть под санкции.

А. М.:

– В этой связи очень интересны модель поведения, экономические интересы и перспективы взаимодействия с Индией, еще одним крупным игроком в БРИКС, на сегодняшний день председательствующей в организации. Можем ли мы говорить о том, что кризис будет способствовать усилению конкуренции за энергоресурсы между Индией и Китаем?

Мы понимаем, что риски, которые РФ получает от индийской стороны и которые более чувствительны ко всем санкционным ограничениям, остаются и сохраняются. Более того, степень неопределенности будет возрастать. Таким образом, Россия можем загнать себя в ловушку, которая уже один раз сработала: увеличивая объемы поставок в Индию, она рискует попасть в большую зависимость. Как возможно отрегулировать эти взаимоотношения и есть ли в этом смысле какой-то рациональный выбор для РФ?

И. Ю.:

– Действительно, с точки зрения поставок энергоносителей Индия с 2022 г. стала для России открытием. Почти все, что она раньше поставляла на европейский рынок, ушло именно в Индию, и с 2022 г. она стала крупнейшим поставщиком нефти в Индию, подвинув с лидирующих позиций Ирак, Саудовскую Аравию и ОАЭ. Почему Индия стала жестко конкурировать с Китаем за поставки нашей нефти? Потому, что им обоим нужно заменить те самые ближневосточные поставки. Когда Соединенные Штаты выпустили генеральную лицензию, позволяющую Индии покупать российскую нефть, мы видели, что сначала Индия стала массово скупать российскую нефть, которая стояла на танкерах у их берегов. Индии просто некуда было деться, и для того, чтобы продолжать переработку, нужно было чем-то заменить ближневосточные поставки.

Хороший вопрос, что будет дальше с Индией. Во-первых, в 2026 г. заработали санкции Евросоюза, которые запрещают импортировать нефтепродукты, сделанные в третьих странах из российской нефти. Индия как раз активно поставляла в Европу переработанную российскую нефть. Во-вторых, Индии сложно что-то противопоставить Соединенным Штатам, когда они на них давят. Когда под Новый год американцы требовали, чтобы Индия прекратила закупки российской нефти, она действительно сократила эти закупки, пусть РФ и осталась для нее главным поставщиком нефти.

Если Китай может в ответ ограничить поставки редкоземельных металлов, то Индия подобных рычагов давления на США не имеет. В свою очередь, если Индия отказывается от покупки российской нефти или сокращает ее, то получается, что у РФ ограничивается рынок сбыта, увеличивается зависимость от китайских закупок и, соответственно, усиливается переговорная позиция КНР при обсуждении цен. Эффективность российского экспорта существенно сократится. Для России, наоборот, выгодно диверсифицировать свои рынки сбыта. Поэтому она сейчас так активно вступила в диалог с разными другими азиатскими потребителями и договаривается с ними о поставках. Чем большее количество потребителей будет у покупателей российской нефти, нефтепродуктов и т.д., тем проще РФ будет организовывать конкуренцию между ними и сокращение того самого дисконта или наращивание той самой премии, которая сейчас есть в портах получателя, тем самым повышая эффективность своего экспорта.

Стратегически Индия все равно остается партнером РФ, и заменить ее кем-то с точки зрения покупки нефти пока что крайне сложно. Индия закупает примерно 1,7–2 млн баррелей российской нефти в сутки, что составляет почти половину экспорта России и находится на примерно одном уровне с Китаем. РФ также поставляет в Индию уголь и готовые нефтепродукты, тогда как сотрудничество в газовой сфере затруднено. Вместе с тем следует отметить, что поставляемый в Европу российский СПГ может быть потенциально переориентирован на Индию, прежде всего в зимний период. Когда восточная часть Северного морского пути имеет очень высокую ледовую нагрузку, экспорт все равно будет идти на запад. Просто, обогнув Европу, газовозы могут приходиться именно на индийский рынок. Это будет более эффективно, чем дальнейшее движение в Китай, сопряженное с большими транспортными издержками, хотя это и будет для компаний менее рентабельно для коммерческих компаний.

Я думаю, что трубопроводные поставки туда все-таки не придут: это слишком протяженный маршрут и слишком много проблем по пути. Если пытаться построить трубопровод через Центральную Азию, то можно столкнуться с противодействием Туркменистана, много лет пытающегося реализовать проект ТАПИ (Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Индия), и Ирана, также заинтересованного в налаживании собственных газовых по-

ставок в Индию. Другой вопрос, что для Индии ситуация может немного измениться в случае прихода к власти в США демократов, рассматривающих ее как противовес Китаю и одного из своих главного союзников в Азиатском регионе. Они, я думаю, могли бы в большей мере учитывать интересы Индии, в т.ч. не оказывая на нее чрезмерного давления с целью заставить ее отказаться от российской нефти. Но от Индии тогда будут ждать чего-то взамен – добровольного охлаждения отношений с Россией. Поэтому у РФ рисков с Индией больше, чем с Китаем, даже с учетом жесткой переговорной позиции последнего в плане цен на энергоносители.

А. М.:

– Рассматривая БРИКС+, мы имеем в виду и государства Персидского залива. Последнее событие, которое буквально взорвало медиапространство, – это объявление о выходе из ОПЕК Объединенных Арабских Эмиратов, одних из его основоположников. Как эти государства позиционируют свои перспективы в ситуации кризиса вокруг Ормузского пролива, других проливов? И что можно спрогнозировать с точки зрения модели их поведения? Выход из ОПЕК – это абсолютно суверенное наращивание объемов. Понятно, что пока еще есть альтернативный путь, по которому они планируют наращивать. И что мы имеем на сегодняшний день? Открыто жесткая конкуренция между экспортерами в текущей ситуации при премиальных ценах? Или все-таки можно сохранить какое-то регулирование мирового рынка нефти прежде всего и, как следствие, газового рынка с точки зрения интересов сохранения стабильности и учета интересов всех экспортеров?

И. Ю.:

– Действительно, новость о том, что ОАЭ выходят из ОПЕК, стала определенным шоком для мирового рынка. С другой стороны, мы не увидели резкого падения цен. Возможно, для этого они это публично и озвучили – просто потому, что рынок быстро понял, что ситуация-то не меняется.

Сейчас объемы добычи внутри Объединенных Арабских Эмиратов и в других странах региона – участниках ОПЕК, ОПЕК+, определяются не квотой внутри организации, а физической возможностью экспорта. Если ОАЭ в среднем добывают около 4 млн баррелей в сутки, то сейчас они могут экспортировать по нефтепроводу в порт Фуджейра, в обход Ормузского пролива, только около 1,8 млн баррелей в сутки. То, что они выходят из ОПЕК, не приводит к тому, что они увеличивают добычу, и рынок очень быстро это понял, поэтому цены фактически не уменьшились. Хотя задумка, я думаю, была именно в этом. Недавно в *Wall Street Journal* была публикация о том, что Объединенные Арабские Эмираты ведут переговоры с Соединенными Штатами об оказании экономической помощи. Это может быть определенным элементом сделки: американцы оказывают им финан-

совую помощь, а те торпедируют ОПЕК изнутри и пытаются понизить цены здесь и сейчас. США это очень нужно: от цен зависит стоимость топлива на внутреннем рынке, а значит, и уровень поддержки Трампа избирателями, в т.ч. на довыборах в Конгресс в ноябре. Другого объяснения действиям ОАЭ, в общем-то, нет.

Тут большой вопрос, потому что Объединенные Арабские Эмираты – очень крупный игрок. Если они будут добывать по максимуму, то, когда откроется Ормузский пролив, другие экспортеры энергоресурсов встанут перед выбором – сдерживать себя и пытаться обеспечить относительно высокие цены или тоже добывать по максимуму. Если вся сделка разваливается, то объем добычи может довольно быстро увеличиться на 2-3 млн баррелей в сутки, и это приведет, наоборот, к падению цен. В этом плане, конечно, здесь присутствует колоссальный риск для РФ, связанный с недополучением нефтегазовых доходов. Другой вопрос, что роль некоего регулятора предложений на рынке может взять на себя Иран – просто за счет того, что не будет пропускать через Ормузский пролив новые объемы, дополнительные объемы из ОАЭ. Сейчас ситуация сложная, но, по крайней мере, пока что остальные игроки не заявляют о развале ОПЕК и ОПЕК+.

А. М.:

– Подскажите, пожалуйста: а нет ли противоречий в модели поведения США? Понятно, что внутренний рынок зависит от уровня цен, но их экспортеры также довольно существенно выигрывают от роста цен с учетом увеличивающихся объемов экспорта и внешних поставок. Как здесь можно спрогнозировать их интересы с точки зрения мирового рынка нефти и газа, обходя политические моменты борьбы между демократами и республиканцами?

И. Ю.:

– С одной стороны, сам Трамп страдает от того, что цены на топливо подорожали, уровень поддержки снижается. С другой стороны, в любой момент времени он может говорить, что обещал увеличить добычу внутри Соединенных Штатов. Когда цены на мировом рынке растут, многие проекты опять становятся рентабельными, и США вполне могут нарастить объем производства. А когда цены снижаются, добыча опять может снизиться, но при этом дешевеет топливо. Сейчас мы, однако, не видим взрывного роста объема американского производства, потому что компании, прежде всего сланцевые, предпочитают просто зарабатывать, отдавать кредиты и т.д., поскольку Ормузский пролив может быть открыт в любой момент.

Для экспортеров СПГ это очень благоприятный период. Если от перекрытия Ормузского пролива с точки зрения нефти Соединенные Штаты страдают, то с точки зрения газа – нет, они зарабатывают, поскольку Катар

не мешает на мировом рынке. В ближайшие пять лет США собираются ввести в эксплуатацию заводы по сжижению на такую же мощность, сколько экспортировал Катар. Это может быть совпадение, но все равно довольно интересно, что американцы, получается, так освободили рынок сбыта для своих СПГ-проектов, убрав Катар. По последнему наносились удары со стороны Ирана, и Катар объявил, что в ближайшие 3-5 лет экспорт их СПГ снизится на 17 %. Этот период определенного дефицита на газовом рынке может продлиться довольно долго, что выгодно в т.ч. США.

А. М.:

– Учитывая вопросы, связанные с поведением стран Персидского залива, как можно спрогнозировать их потери и компенсацию этих потерь, а также модель поведения конкурентной борьбы на рынке энергоресурсов, с учетом того что Соединенные Штаты как их базовой партнер или патрон, начиная свою эскалацию в заливе, по факту преследуют цель вытеснения основных игроков на мировых рынках энергетики? Можно ли вообще рассматривать, что военный или политический проигрыш по факту не столь важен для США, сколь важна перспектива доминирования на рынке энергоресурсов за счет выдавливания основных конкурентов?

Станислав МИТРАХОВИЧ:

– Когда мы с вами говорим про Соединенные Штаты, сложности возникают в том, что это очень большая страна, очень большой конгломерат различных интересов. Американские военно-промышленные компании могут хотеть одного, а люди, которые занимаются стратегией на Ближнем Востоке, – другого. Нефтяные компании хотят третьего, а потребители нефти могут хотеть четвертого. Из-за этого американская политика иногда кажется не вполне выверенной. Кроме того, нельзя забывать и про личностный фактор.

У меня нет однозначного представления о том, чего именно хотели добиться американцы, но я понимаю, что, как бы события ни развивались, они могут к ним подстроиться. Они по-прежнему являются энергетической сверхдержавой, лидерами по добыче (20 млн баррелей в сутки – около 20 %

МИТРАХОВИЧ Станислав Павлович, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: stasmitr@mail.ru. SPIN-код: 6679-3103

от общемирового уровня) и переработке нефти и газа (в т.ч. более нишевых продуктов, таких как биотопливо, сжиженные углеводородные газы, конденсат и прочие т.н. *liquids*). Они обладают необходимыми технологиями, а также флотом, который может защищать их торговые пути.

Необходимо посмотреть, как с точки зрения конкурентной стратегии и отношений с американцами будут действовать страны региона. Для меня это пока еще открытый вопрос. Например, обсуждая выход ОАЭ из ОПЕК, их представители считают, что у них есть определенные преимущества — возможность увеличить добычу на 30 % и опереться на другие отрасли экономики, если какое-то время нефть будет стоить дешево (логистика, финансы и др.), идущий в Фуджейру в обход Ормузского пролива нефтепровод, технологии. В связи с этим, по их мнению, они могут позволить себе более эгоистичные и более агрессивные стратегии, тогда как их соседи, партнеры по ОПЕК и ОПЕК+ и конкуренты будут от них отставать.

Насколько такая агрессивная позиция будет оправдана, для меня тоже не очевидно. Подобная стратегия Объединенных Арабских Эмиратов не понравится американским нефтяным компаниям, которые будут проигрывать от того, что цены на нефть снизятся, и которые вполне могут давить на американскую администрацию, кто бы в этой администрации ни был. При «зеленом» с точки зрения политической ориентации президенте Обаме, выступавшем за возобновляемую энергетику и предлагавшего дополнительные налоги на нефтяные компании, производство нефти выросло на 80 % и происходила главная часть «сланцевой революции».

Аналогичным образом такие действия ОАЭ не понравятся Саудовской Аравии, с которой у них в регионе продолжают нарастать разногласия и по энергетическим, и по неэнергетическим вопросам. В случае необходимости КСА тоже может предпринять меры против Объединенных Арабских Эмиратов. В свое время противоречия между Саудовской Аравией и Катаром привели к перекрытию поступавшей в Катар пресной воды. Россия, конечно, тоже будет не в восторге от того, что Эмираты ведут игру на понижение стоимости нефти, но сейчас она перегружена бюджетными обязательствами и не может себе позволить существенное снижение государственных расходов.

Мне кажется, мы можем вступить в борьбу «всех против всех», сулящую для участников высокую и быструю награду и не менее высокие риски. Вместе с тем более рациональным фактором было бы, например, возвращение к какому-то формату ОПЕК+ после того, как Ормузский кризис закончится и появится возможность, например, договориться о новых квотах. В чем-то это напоминало бы первую половину 2020 г., когда вследствие эпидемии *COVID-19* и сверхнизких цен на нефть распалась прошлая итерация ОПЕК. А что случилось потом? Большая сделка в мае 2020 г., когда все поняли, что «гонка на выживание» — это слишком опасно, все решили передоговорить-

ся. Ее основными инициаторами фактически выступили В.В. Путин (РФ), принц Салман (КСА) и Д. Трамп (США). Соединенные Штаты, хотя и не являются участниками ОПЕК, тогда все равно были заинтересованы в восстановлении формата ОПЕК и росте цен на нефть, который поддерживал бы важные для экономики США американские нефтяные компании на плаву.

А. М.:

– Если мы рассматриваем ситуацию в среднесрочном периоде, скажем в расчете на три месяца, можно предположить два сценария: разблокировка Ормузского пролива и, наоборот, усиление и пролонгирование возникшей ситуации. Кто из государств Персидского залива может взять на себя некую регуляторную функцию по ОПЕК? Какова в этом смысле роль России? Будут ли заинтересованы США в модерировании этой ситуации, как в период пандемии? Есть ли какие-либо границы, пересечение которых станет критерием или мериллом для остановки процессов «борьбы без правил»?

С. М.:

– В зависимости от того, какой сценарий реализуется, стратегии тоже будут очень разные. Если Ормузский кризис затягивается, то ОПЕК и ОПЕК+ ничего сделать не смогут и лишний раз будет доказано, что это уже не регулятор рынка. Де-факто квоты смогут устанавливать либо те игроки, у которых есть обходной нефтепровод (ОАЭ), либо те, что смогут договориться о пропуске судов с КСИР или с американцами.

Я понимаю мотив Объединенных Арабских Эмиратов с точки зрения демонстрации того, что ОПЕК и ОПЕК+ устарели. Другое дело, что это не объясняет, как они собираются вытягивать долгосрочную «борьбу на выживание», если после разрешения Ормузского кризиса будет ценовая война. Будут ли регуляторами американцы? У них могут быть различные интересы в моменте. Сейчас они, наверное, не заинтересованы в росте цен, потому что это будет выглядеть как целенаправленное разжигание конфликта для принуждения покупателей к поставкам из США, Венесуэлы или Канады, чем многие могут быть недовольны. Однако если Ормузский кризис разрешится, выйдут танкеры, наполненные нефтью, и цены упадут до уровня начала 2026 г., то реакция американцев может быть и противоположной.

Сейчас многое может измениться. Даже базовые долгосрочные правила поведения, которые казались неизменными, – нефтедоллар, размещение американских военных баз на Ближнем Востоке и в арабских странах, – могут быть пересмотрены. Однако не надо приписывать наличие и реализацию каких-либо долгосрочных стратегий Соединенным Штатам или другим странам. До последнего времени основой стратегии ОАЭ было нахождение в ОПЕК, теперь они ее поменяли. Так вполне могут поступить и другие игроки.

А. М.:

– Можем ли мы на этом фоне констатировать изменение вместе с игроками и правилами самой архитектуры мирового рынка или мы оставляем возможность возврата к прежним правилам, к прежним институтам?

С. М.:

– Я думаю, что изменения могут быть. Например, если по итогам Ормузского кризиса выяснится, что для того, чтобы проходить Ормузский пролив (а потом и Персидский залив, и Оманский залив, и Аравийское море), нужно кому-то платить, будь то Иран, Оман, США или кто-то другой, то это станет отходом от того типа глобализации и международной торговли, который мы наблюдали в последние десятилетия. Однако это не будет переходом в какой-то хаос. Это может быть возвращением к тем правилам, которые были до Второй мировой войны. Вспомним, что такая вещь, как свобода судоходства, – это относительно новое изобретение, которое в т.ч. поддерживалось американцами как основными бенефициарами глобализации.

До этого каждая страна, компания, которая занималась торговлей, очень часто обеспечивала эту торговлю военной силой. Необходимо было тратиться на флот и армию, многие страны брали деньги за проход судов через свои проливы, которые понимались именно как свои, а не международные, регулируемые некими конвенциями. Вспомним исторический опыт Дании. Были периоды, когда львиная доля ее бюджета обеспечивалась деньгами, получаемыми за проход по датским проливам. Это изменилось только в 1860-е гг. под влиянием Британской и Российской империй, стремившихся на тот момент получить коммерческую выгоду и заинтересованных в свободе судоходства. Может, мы возвращаемся к временам, когда придется платить прибрежным странам: Ирану, Оману, Дании, Турции, Индонезии и т.д.

Это, кстати, будет требовать дополнительных издержек. То, что идущий по океану танкер никто не трогает, – не такое обычное явление для мира. Следовательно, будет требоваться военное сопровождение. Большие танкеры, контейнеровозы, крейсера и авианосцы – примерно одинакового размера, но экипаж авианосца – 5 тыс. человек, а экипаж танкера, даже если он везет 2 млн баррелей нефти, – примерно 20 человек.

А. М.:

– То есть мы переходим в век управляемого хаоса и военизированного сопровождения мировой торговли?

С. М.:

– Или сопровождение, или договоренности, кто кому платит за проливы, или какой-то бартер.

А. М.:

– Но в этих условиях больше всего, наверное, проигрывают потребители?

С. М.:

– Проигрывают потребители, это правда. Общий уровень благосостояния мира может и уменьшиться на этой почве, если мы заново все не передоговоримся. Может так оказаться, что новые большие проекты (БРИКС, БРИКС+, Глобальный Юг и др.) могут стать дорогой к рассогласованию тех или иных моментов, даже если это будет частичной деглобализацией. Думаю, повысится роль сухопутных сообщений, трубопроводов, железных дорог и т.д.

А. М.:

– В этой связи мы подходим к тому моменту, когда мы говорим о том, что у нас идет регионализация или фрагментация мировой торговли, причем не только нефти и газа, но и всех видов товаров и ресурсов. Можем ли мы в этой картине каким-то образом определить позиции таких инициативных интеграционных блоков, как БРИКС+, СНГ, Европейский союз, МЕРКОСУР? Будет усиление этих позиций и установление замкнутых, безопасных правил игры у отдельно взятых организаций или конгломераций или же мы можем прогнозировать усиление межблоковых отношений?

С. М.:

– Зависит от того, как эти блоки будут сформированы. Скажем, я не до конца понимаю, где проходят границы БРИКС+. С 1 мая из ОПЕК выйдут ОАЭ – не случится ли так, что они выйдут еще из БРИКС+? Они могут выйти, а на их место придет кто-то другой, кто готов с большим желанием работать с Россией, с Китаем. Поэтому, мне кажется, эти альянсы должны еще быть переосмыслены в процессе. Например, в свое время в БРИКС+ хотела вступить Аргентина, потом, при Милее, отозвала заявку. Если к власти в Бразилии приходят правые силы, то, допустим, там может быть большая ориентация на США и меньший интерес к интеграционным проектам и т.д. Поэтому возможно, что эти альянсы еще поменяют свои границы и внутреннее содержание. Но времена, когда регионы имели небольшое значение и страны могли торговать с кем угодно, скорее всего, будут уходить, и соседствующие страны в итоге будут вынуждены более внимательно смотреть друг на друга.

А. М.:

– То есть пояс соседства будет более безопасным и выгодным?

С. М.:

– Скорее всего, да. Я бы очень не хотел, чтобы мы вновь оказались в ситуации полноценной холодной войны с несколькими блоками и накоплением оружия, которое может уничтожить цивилизацию. Однако и глобализация в том чистом виде, в котором она была в конце 1980-х гг., наверное, тоже должна быть развернута. Может быть, будет что-то вроде «концерта держав» начала XIX в., но только с опасностью того, что оружие стало более мощным.

А. М.:

– Еще один вопрос – по поводу позиций экспортеров энергоресурсов из стран СНГ. Мы видим ситуацию, связанную с постоянными атаками на КТК и уязвимостью Казахстана. Пока непонятна позиция Туркменистана, но очевидно, что она в большей степени связана с трубопроводными поставками с Китаем, и основная масса углеводородов уходит туда. Будет ли набирать силу этот турбулентный процесс замещения российских энергопоставок бывшими и нынешними партнерами по СНГ или мы придем к какому-то консенсусу по определению позиции, с тем чтобы уменьшить свои потери?

С. М.:

– Не совсем понятно, где границы этих регионов могут быть. С одной стороны, Казахстан – партнер России по Евразийскому экономическому союзу, СНГ, ОДКБ. С другой стороны, Казахстан плотно развивает отношения с Китаем и Европейским союзом тоже не забывает. Главные инвесторы в казахстанскую экономику – это американские нефтяные компании *Exxon* и *Chevron*. Поэтому Казахстан пытается взаимодействовать со всеми.

К весне 2026 г. возникла ситуация, что он очень хотел бы снизить свой уровень зависимости от России в экспортных проектах. Потому что экспорт Казахстана и казахстанской нефти идет через Каспийский трубопроводный консорциум, через Новороссийск, через северную ветку нефтепровода «Дружба», через российский порт Усть-Луга на Балтике, а это больше 80 % всего казахстанского экспорта нефти. Гораздо меньше идет в Китай или через Каспийское море по трубопроводу «Баку – Тбилиси – Джейхан». Каспийское море обмелело, танкеры нужно заполнять только наполовину. Это не самая благоприятная ситуация для Казахстана, который был очень заинтересован именно в развитии маршрута «Баку – Тбилиси – Джейхан».

Поставки казахстанской нефти по нефтепроводу «Дружба» ограничены: по одной из версий, из-за ударов дронов в Брянской области, по другой – в результате попыток РФ объяснить Европе и Казахстану, что их взаимодействие должно учитывать и российские интересы. Я не представляю, чтобы Казахстан мог за ближайшие несколько лет, на горизонте 2-4 года, как-то

радикально избавиться от российской зависимости. Возможно, это будет поводом не искать избавления от зависимости, а оформить отношения таким образом, чтобы они всех устраивали.

Туркменистан для КНР является альтернативой России. Недавно официальные китайские представители съездили в Туркменистан, открыли там четвертую нитку, связанную с месторождением Галкыныш. Россия, в свою очередь, показала, что, например, газ с «Арктик СПГ – 2» потенциально может идти и в Индию, если она согласится рискнуть.

Подобный торг – это нормальное явление, не надо считать, что если страны являются партнерами и союзниками, то между ними не может быть дискуссии или конкуренции. Договариваться, в принципе, мы умеем, но надо при этом не забывать, что ситуация становится сложнее, и она не встраивается в восприятие мира через призму 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. В чем-то мы возвращаемся к предыдущим столетиям, но только на новом техническом уровне.

А. М.:

– Спасибо большое. Очень интересное описание, появляется более глубокое понимание того, что происходит. Вывод, наверное, здесь однозначный может быть только в одном формате: мы движемся к новому переустройству и на этом пути нас ждут турбулентные времена.

С. М.:

– Да, действительно. Будем надеяться, что здравый смысл все-таки в итоге окажется важнее, чем эмоции, которые у многих при попытке перестроить текущий мир иногда доминируют.

ECONOMIC COOPERATION OF BRICS AND CIS COUNTRIES

DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_

Received: 29.04.2026.

For citation: Economic Cooperation of BRICS and CIS Countries / A.A. Mhrranyan, I.V. Yushkov, S.P. Mitrakhovich – Geoeconomics of Energetics. № 2 (34). P. 6–25. DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_6

Keywords: global oil and gas markets, oil and gas exports, reorientation of export flows, geopolitical factors, economic sanctions, CIS, BRICS, OPEC.

Abstract.

This article analyzes the impact of the large-scale energy crisis triggered by the blockade of the Strait of Hormuz and the escalation of geopolitical tensions around Iran on the global oil and gas industry and the global economy. It argues that the current shock differs from the crises of the 1970s and 1980s in that it features a more significant, immediate drop in oil volumes from the market and a different nature of the shortage, shifting the focus from a physical shortage of fuel to price and financial effects. It demonstrates the key role of strategic energy reserves and oil stored on tankers in mitigating the short-term shortage, as well as their long-term contribution to prolonging the crisis through the need for subsequent reserve replenishment. Particular attention is paid to the impact of the crisis on Russia's export positions, the dynamics of the discount/premium to Brent crude, budget revenues and the tax base, as well as the transformation of Russia's orientation toward the markets of China, India, and other countries of the Global South. The article analyzes new EU sanctions mechanisms (including discussions of the 20th sanctions package), attacks on export infrastructure, restrictions on the «shadow fleet,» and the prospects for Russian LNG as flows shift to Asian markets. It examines changes in the behavior of key Gulf exporters, including the UAE's withdrawal from OPEC and the associated risks of disrupting the OPEC/OPEC+ coordination formats, as well as the possible redistribution of regulatory roles between regional and external players. Scenarios for the fragmentation of global trade, the growing importance of overland routes and integration blocs (BRICS+, CIS, etc.), and the formation of a more regionalized architecture of energy and trade ties are discussed. It concludes that the global energy sector is entering a phase of structural turbulence and a gradual transition from the globalization model to a combination of regional and bloc cooperation formats.